

народным стандартам. Оно вобрало в себя демократические идеи мировой цивилизации. Реализованы идеи выборности главы государства, представительной демократии, принцип разделения властей.

В Казахстане на деле осуществляется принцип толерантности, межнационального согласия, веротерпимости. Имея в наследии от советского прошлого многие нерешенные вопросы социального, экономического характера, тем не менее, общество смогло найти новые ориентиры в дальнейшем развитии. Прежде всего, наряду с экономическими преобразованиями, правовыми реформами, принятием совершенно новых законодательных актов, из поля зрения не выпадал социальный фактор. Общество смогло сохранить дух взаимоуважения между различными народами, взаимного обогащения культурами разных народов. В Конституции РК отмечено следующее: «Никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам» [4, ст. 14]. Также в этом программном документе имеется положение о том, что: «Каждый имеет право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [4, ст. 19 ч. 2]. Все достигнутое – это определенный итог длительного развития казахской государственности.

Список литературы:

1. Абайдельдинов Е.М. Политико-правовая история Республики Казахстан. – Ч. I. – Алматы: Институт «Данекер», 1999. – 295 с.
2. История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). – Алматы: Изд-во «Даур», 1993. – 416 с.
3. <http://tengrinews.kz/>.
4. Конституция Республики Казахстан от 30.08. 1995 г. (с изм. доп.).

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

© Скоблик К.В.*

Юридический институт Сибирского федерального университета,
г. Красноярск

В статье предпринята попытка обращения к отраслям психологического и философского знания с целью анализа процесса принятия уголовно-процессуального решения. Продемонстрированы результаты такого подхода. Обосновано использование в российском уголовном

* Магистрант 2 курса кафедры Уголовного процесса.

процессе применительно к отдельным видам решений рациональных и интуитивно-рациональных парадигм принятия решений.

Ключевые слова: «интеллектуальная сторона процесса принятия уголовно-процессуальных решений», «личностная сторона процесса принятия уголовно-процессуальных решений», «познание», «законы формальной и диалектической логики», «вероятность», «достоверность».

Пископпель А.А. и Щедровицкий Л.П. в 1981 году отмечали: «Понятие «принятие решения» появилось и разрабатывалось в рамках теории организации и управления. Однако за сравнительно короткий срок оно прочно внедрилось в кибернетику, социологию, психологию, физиологию и т.д. ... Все это дает основания утверждать, что понятие принятия решений приобрело метапредметный характер...» [5, с. 30]. Очевидно, что в этом перечне не хватает юриспруденции. В нашем случае уголовного процесса.

В связи с этим интересно, что проблемы принятия решений в уголовном процессе разрабатывались в основном с опорой на юридические дисциплины, без обращения к теории решения, теории управления, психологии, логики и т.д. В основе суждений процессуалистов о рассматриваемых уголовно-процессуальных решениях лежала дедукция, выраженная в приложении родовых понятий, главным образом теории права, к понятиям уголовного процесса. Отрицательный эффект такого подхода в механическом приложении понятий без учета особенностей каждого из видов уголовного процесса (публичного и состязательного). Отчасти именно это привело к отсутствию на настоящий момент в науке уголовного процесса устоявшегося содержания понятия «уголовно-процессуальное решение».

В то же время обращение к отраслям психологического и философского знания открывает новые возможности в анализе уголовно-процессуальных решений, поскольку позволяет в отличие от чисто правового подхода, в рамках которого упор делается на форму, рассмотреть уголовно-процессуальное решение с содержательной стороны, уделяя внимание процессу его принятия.

Так, изучение последнего при помощи углубления в наработки психологии неопределенности [3] и психологии критического мышления как основы принятия решений [6] показало, что в процессе принятия уголовно-процессуального решения возможно выделить две компоненты, интеллектуальную и личностную. Отсюда возникает вопрос, результатом действия каких процессов становится принятое уголовно-процессуальное решение чисто интеллектуальных или эмоционально-волевых? Полагаем, что разумнее всего говорить об единстве указанных процессов человеческой психики. Так, Т.В. Корнилова, подчеркивает, что: **«Без интеллектуальной подготовки нет выбора, поскольку выбор осуществляет человек разумный (выделено мной – К.С.), мыслящий, вмняемый (если ему не поставлен психиатрами диагноз полной или частичной невменяемости), осознающий направленность своих действий и их последствий. Но выбора нет и без личност-**

ной его регуляции, поскольку принимает решение человек, мотивационно-личностная сфера которого необходимо включена в психологическую регуляцию выбора, в становление его целей и смыслов...» [3, с. 34].

Сказанное отнюдь не означает, что всем факторам как личностным, так и интеллектуальным в процессе принятия уголовно-процессуального решения отводится одинаковая роль. Считаем, что пальма первенства при взаимодействии двух сторон человеческой психики отдается именно интеллектуальной составляющей.

Этот тезис основан на том, что:

1. Уголовно-процессуальное доказывание, в ходе которого принимаются уголовно-процессуальные решения, это в первую очередь познание [1, с. 250], предполагающее для своего успеха методичную работу именно разума, а не хаотичное движение личностного компонента. Считаем, что последний должен быть подчинен primero, путем реализации субъектом доказывания в процессе принятия уголовно-процессуального решения законов формальной и диалектической логики, составляющих ядро познавательной парадигмы российского уголовного процесса. Затрагивая учение формальной логики, мы касаемся, прежде всего, закона достаточного основания, говоря про диалектическую – закона перехода количественных изменений в качественные.
2. Исследование психологического учения о видах решений обнаружило возможность их разделения по степени регламентированности процедуры принятия [6, с. 163] на виды инструктивных и неинструктивных решений [6, с. 23, 162-164]. Отталкиваясь от того, что инструктивные – это решения, процедура разработки которых четко оговорена в соответствующих регламентирующих документах нами делается вывод, что исследуемые уголовно-процессуальные решения как раз ими и являются, в силу заданности процесса их принятия нормами уголовно-процессуального права. Последнее как раз и заставляет нас обращать внимание преимущественно на интеллектуальную сторону процесса принятия решения, поскольку это диктуется самим правом, где схема правоприменения, единая для всех видов юридического правоприменительного процесса, предполагает преимущественную работу разума. Недаром процесс правовой квалификации представлен «юридическим силлогизмом», где в схеме мышления норма права выступает большой посылкой, то есть суждением о должном [5, с. 221-222], факты – меньшей посылкой, то есть суждением о сущем, а результат правовой квалификации – суждением о примененном.

Исходя из сказанного, нами констатируется главенствующая роль в принятии решений в российском уголовном процессе интеллектуального компо-

нента. Однако действие этой составляющей приобретает определенную специфику в зависимости от того какое конкретно принимается решение субъектом доказывания. Продемонстрируем сказанное путем сравнения процесса принятия постановления о возбуждении уголовного дела и приговора.

Так, вынося постановление о возбуждении уголовного дела, субъект доказывания достигает лишь вероятностного результата в познании события прошлого, принимая же приговор – достоверного.

В связи с поднятым вопросом о вероятности и достоверности нам интересны суждения немецкого логика начала 19-20 века Х.Зигварта, утверждавшего, что вероятность и достоверность парны по отношению к возможности и необходимости. Последние же зависимы друг от друга так, что: «отрицание возможности приводит к необходимости, отрицание необходимости – к возможности...»

Если гипотеза «А есть В» возможна, то это происходит именно потому, что невозможно ее отрицание «А не есть В»...

«Необходимо, что прямоугольный четырехугольник имеет равные диагонали» уничтожает возможность неравных диагоналей. Возможность, что углекислота становится твердой, уничтожает необходимость ее газообразного состояния» [5, с. 238].

Подобное понимание вероятности и достоверности, если верить О.Н. Шекшуевой, было у И. Канта. Он: «писал, что достоверность всегда связана с сознанием необходимости, тогда как недостоверность (иначе – вероятность) – с сознанием случайности или возможности противоположного» [8].

Если приложить сказанное к решению о возбуждении уголовного дела и к приговору выходит, что принятие первого связано с сохранением возможности противоположного, принятие же второго – с ее полным устранением.

Описанные таким образом различия между вероятностью и достоверностью как раз и накладывают упомянутую выше специфику на действие интеллектуального компонента процесса принятия уголовно-процессуального решения. Конкретно она (специфика) выражается в следующем.

Вынося, к примеру, постановление о возбуждении уголовного дела субъект доказывания исходит из интуитивно-рациональной модели принятия решения, что предполагает главенство интеллектуального процесса в принятии решения, но и опору на личностный компонент, в частности на интуицию. Последнее имеет место в результате дефицита информации, порождающего необходимость у субъекта доказывания принимать решение о возбуждении уголовного дела в условиях неопределенности и сохранения вероятности в ином [7, с. 4]. Вследствие этого вынесение постановления о возбуждении уголовного дела всегда связано с формированием прогноза о дальнейшем – после принятия соответствующего решения – ходе уголовно-процессуального познания и его результатах. Говоря так, мы под прогнозом понимаем «суждение о будущих событиях, последствиях того или иного решения, на основе которого формируются критерии выбора той или иной

альтернативы, тех или иных действий в наличной ситуации» [7, с. 10]. При этом прогноз, «как субъективное предпочтение какого-либо варианта будущего, в моделях принятия решения несет функцию снижения субъективной неопределенности в ситуации и в критериях выбора альтернатив» [7, с. 27].

Противоположное наблюдается с постановлением приговора, когда субъект доказывания имеет в своем распоряжении необходимое количество информации для формирования достаточного основания, устранения вероятности в ином и достоверного установления на этой основе обстоятельств подлежащих доказыванию вне разумного сомнения. В этой ситуации ему нет необходимости опираться на интуицию, так как информационный дефицит ликвидирован. Достаточно опоры на интеллектуальный компонент процесса принятия уголовно-процессуального решения и, потому в этом случае субъект доказывания исходит не из интуитивно-рациональной модели принятия решения, а из рациональной.

Полагаем, что обозначенные различия в процессе принятия уголовно-процессуальных решений позволяют под иным углом взглянуть на проблемы их оснований в российском уголовном процессе, вскрыть психологические и логические отличия, что в свою очередь может быть использовано для совершенствования УПК РФ и практики его применения.

Список литературы:

1. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – С. 250.
2. Зигварт Х. Логика. Т. 1: Учение о суждении, понятии и выводе / пер.с нем. И.А. Давыдова. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. – С. 238.
3. Корнилова Т.В. Риск и принятие решений: психология неопределенности. Монография по проекту РГНФ №14-4693004. – С. 21.
4. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография [Электронный ресурс] / Г.А. Гаджиев. – М.: Норма: ИНФРАМ, 2013. – С. 221-222. – Режим доступа: http://philosophical-club.ru/content/docs/Gadjiyev_Ontologia_prava.pdf (дата обращения: 20.12.2013).
5. Пископпель А.А., Щедровицкий Л.П. Перспективы развития инженерной психологии // Вестник МГУ. Сер.14. Психология. – 1981. – № 1.
6. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность: Монография. – М.: Гардарики, 2005. – С. 23, 162-164.
7. Степаносова О.В. Интуитивные компоненты в процессе принятия решения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – С. 4.
8. Шекшуева О.Н. Вероятность и достоверность в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юр. наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1218107 (дата обращения: 12.03.2015).